

*Всем тем, кто был со мной рядом,
но в силу сложившихся обстоятельств
рано ушел из жизни...
Им, любимым, дорогим, неповторимым,
живущим в моем сердце,
в моих мыслях, моих фантазиях...
Им, несправедливо покинувшим этот мир
и ждущим меня ТАМ, посвящается...*

ГЛАВА 1

Разложив вещи, я уселась на огромный баул, сверху донизу заклеенный скотчем, и закурила сигарету. На часах скоро одиннадцать, а на базаре шаром покати. Покупашки нынче на вес золота. Народ одеваться не торопится, а может, просто день такой непутевый. Правда, раз на раз не приходится. Иногда фортуна поворачивается передом и так улыбается, что от вырученных денег отвисает карман. Но бывает и обратная ситуация. Оголит она свою задницу, и мне даже нечем заплатить за место, не говоря уже о сытном обеде. По базару ходит слух, будто в следующем месяце всем челнокам необходимо приобрести кассовые аппараты и поставить их в палатках.

Совсем над нашим братом измываются! Явно решили обобрать до нитки. Правда, моя соседка меня успокаивает. Говорит, что не бывает безвыходных ситуаций. Кассовый аппарат — это машина, а человек всегда сумеет настроить ее на

нужный лад. У нее есть знакомый мастер, который всего-то за сто рублей подкрутит пару гаек, и налоговики в жизни не догадаются, сколько чеков и на какую сумму пробила я за день. Чудно все-таки мы живем! Аппараты еще не поставили, а по рынку уже шныряют умельцы, предлагающие свои услуги. Ненавязчивый сервис, ничего не скажешь. Но без этого никуда.

— Лорка, ты когда за товаром поедешь? — перебила мои мысли соседка по палатке.

— Мне об этом еще рано думать, — тяжело вздохнула я и выкинула сигарету. — Этот бы распродать! Я пока в минусе. Набрала этих чертовых юбок, думала, пойдут, а они, как назло, встали.

— Распродашь. В наше время можно все что угодно толкнуть. Сегодня должно повезти.

— С чего ты взяла?

— У меня предчувствие. Оно меня еще никогда не подводило. Помнишь, как в прошлое воскресенье? Сначала глухо было. Думала, даже за место не сможем заплатить, а потом как поперли, целая очередь выстроилась. Мы на радостях всю ночь в ресторане гуляли.

— В прошлое воскресенье нам Валентиновна помогла. Она покупашкам так мозги запудрит, что они последние деньги скинут и домой пешком пойдут, — засмеялась я.

— Вот и сегодня Валентиновна должна при-

ти, — сказала Маринка и достала журнал с кроссвордом.

— Что-то девчонки напротив уже неделю не выходят. Так долго за товаром не ездят. Не знаешь, что там случилось?

Маринка посмотрела на меня удивленным взглядом и пожала плечами.

— Ты что, и в самом деле ничего не знаешь?

— Нет, а что я должна знать?

— Ну ты даешь! Про это уже весь базар говорит. Поехали они в Польшу и попали в довольно скверную историю...

— Деньги отобрали? — не дослушав, спросила я и подумала о том, что в наше страшное время за товаром ездить становится все тяжелее и тяжелее. Бандиты совсем распустились, так и шерстят по автобусам, управы на них нет! Хорошо, если только таксу взимают за право ехать дальше, но чаще всего эти гады отбирают купленный товар и перегружают его в свой транспорт, не забыв прихватить последние деньги.

— Да уж, поработали по полной программе, — тяжело вздохнула Маринка. — И еще при всем этом изнасиловали.

— Как? — выпучила я глаза.

— А вот так! Ты что, не знаешь этих бритоголовых подонков с толстыми цепями и массивными печатками на коротких пальцах!

— Наши или поляки?

— Конечно, наши! Поляки до такого не додумались бы. За границей бандитов развелось как собак нерезаных. Кто визу гостевую прикупил, кто гражданство заделал. Челноков до нитки обдирают, твари проклятые! Русские за границей должны друг другу помогать, а эти отморозки своих же грабят. Девчонки по базару ходили, товар выбирали. Сама знаешь, как только наш автобус к базару паркуется, поляки цены заряжают по максимуму. Вот девчонки и решили поехать за город. Там народу нет, да и стоит все вдвое дешевле. По дороге их наши бандиты и вычислили. Затащили в какой-то подвал, оттрахали... Хорошо, что хоть живыми отпустили, а то ведь могли убить, и все.

— Кошмар какой... А они в полицию не стали заявлять?

— Лор, что ты несешь! Ты сама тысячу раз челночила. У тебя не раз и деньги отбирали, и товар. Ты кому-нибудь заявляла? Нет. Потому что ты языка не знаешь, а если бы заявила, то тебя бы из-под земли достали и расквитались с тобой сполна. Они же не люди. Да и схвачено у них все. Полицейским деньги платят, чтобы те закрывали глаза на их «шалости». А в России тоже никому ничего не докажешь, тем более что профессия челнока нынче не в почете. Люди рисковать не любят, греют задницы на своих производствах и с подозрением смотрят на тех, кто деньги своим

горбом с риском зарабатывает. Девчонки замужние, им лишний скандал не нужен. На днях оклемаются и опять торговать выйдут. Ведь не последние же деньги на закупку брали. Я-то давно поняла, что нельзя от группы отставать. Надо со всеми ходить. Пусть получится чуть подороже и навару меньше, зато так спокойнее. А эти двое хотели побольше навариться. Поехали к черту на кулички. Вот и получили свое.

Маринка замолчала и уткнулась в кроссворд. Я с тоской взглянула на баулы и подумала о том, что все это мне до чертиков надоело: этот грязный базар с вечно раздраженными покупателями, эта гребаная палатка, насквозь продуваемая ветрами, эти донельзя выматывающие шоп-туры... Где же, спрашивается, справедливость?! Почему одни ездят за границу отдыхать, валяться на пляжах, парить лапы в супердорогих отелях, а другие — таскать неподъемные сумки, высунув от усердия язык на плечо. Я вот, например, и в Польше была, и в Чехию за обувью моталась, а что я там видела? Наденешь китайский пуховик, чтобы выглядеть серой мышкой, закинешь на плечо полосатый баул и прешь, как танк. Баба не баба — все равно. Главное, затариться под завязку. Так и грыжу недолго заработать. Да какую там грыжу! Родить захочешь, и то не сможешь...

Увидев идущую по ряду Валентиновну, я отвлеклась от дурных мыслей. Она была не одна.

Рядом с ней чинно вышагивали две пожилые женщины. Я замахала ей рукой, подпрыгивая на месте от возбуждения. Маринка оторвалась от кроссворда и довольно улыбнулась.

— Ну вот видишь! Я же тебе говорила, что сегодня масть пойдет. Валентиновна наши молитвы услышала и решила почтить вечных девушек своим присутствием.

Валентиновна подошла к нашей палатке и дружелюбно пожала мне руку.

— Здорово, Лорка. Как торговля?

— Глухо. Без вашей помощи не обойтись.

— Ничего, сейчас наладим. Я сегодня не одна, а с подругами. Сама знаешь, какие у нас пенсии. Даже на хлеб не хватает, не говоря уже о молоке. А нам, пенсионерам, тоже хороший бутерброд съесть хочется, — засмеялась Валентиновна и огляделась по сторонам. — Ну что, народ подтягивается. Самое время искать какого-нибудь лоха.

— Давайте действуйте. Надо эти чертовы юбки кому-нибудь сунуть.

— Сунем, не переживай, — махнула рукой Валентиновна. — Хоть через силу, но сунем!

Как только Валентиновна с приятельницами отошла от палатки, я весело подмигнула Маринке и мысленно перекрестилась. Схема работы заключалась в следующем. Валентиновна ходила по рынку и тщательно присматривалась к толпе.

Вычислив приезжего лоха, она обрадованно бросалась ему на шею, изображая землячку. Как только лох кололся и говорил, из какого он города, Валентиновна тут же выясняла, за чем он приехал, и убеждала его, что у них пойдет именно тот товар, который находится в моей палатке. Двое других играли роль челноков и просили лоха не скупать весь товар, а оставить хотя бы немного. Естественно, лох не уступал и тут же смелал все до последней вещички. Действовало это безотказно. Наверное, помогал пенсионный возраст Валентиновны и ее честные глаза. Разве пенсионеры могут обманывать? У лоха и мысли не возникало, что это чистой воды развод...

Не прошло и пяти минут, как наша благодетельница опять нарисовалась у палатки. Под руки она держала немолодую женщину.

— Представляешь, Лора, землячку встретила, — с ходу затараторила Валентиновна. — Смотрю, лицо знакомое. Думаю, где-то я ее видела!

— Я из Кемерово, — улыбнулась женщина. — Медсестрой в больнице работаю. Отпуск получила, заняла денег и приехала немного вещей набрать. Торгануть хочу — деньги, они никому не лишние. Я и подумать не могла, что в Москве на рынке землячку встречу!

— Точно, я вас в больнице и видела, —

всплеснула руками Валентиновна. — У меня там сестра лежала. Вы в каком отделении работаете?

— В терапевтическом, я там двадцать лет отпахала.

— Точно, — не унималась Валентиновна. — Сестра к вам на обследование попала, с сердцем у нее что-то. А я раньше кассиром работала на автовокзале, теперь вот на пенсию ушла. Ну, землячка! Ну, встретились! Чем хоть решила торговать?

— Не знаю пока.

— Бери эти юбки, не пожалеешь. Я на них триста процентов делаю. Почти каждую неделю в Кемерово мотаюсь. Там они на базаре влет уходят. Начинать работать, как я, никакая больница не понадобится. Я на этих юбках поднялась, зажила хоть нормально.

— Триста процентов?! — не поверила своим ушам женщина.

— Триста, — утвердительно кивнула Валентиновна. — Если сама торговать не хочешь, то просто скупи их на все деньги и вези домой. На центральном рынке в палатке под номером двадцать восемь сестра моя работает. Привезешь и ей отдашь. Она тебе за них в три раза больше заплатит. Извини, что перешла на «ты». Все-таки землячка! Не часто в Москве своего земляка можно встретить!

— Три цены?! А почему же она их продает?

— Она теперь до четыреста процентов поднимает. Хочешь больше денег — арендуй место, продавай сама. Другой товар брать не советую, можешь попасть. Эти юбки проверенные, я только с ними работаю.

— Я торговать не умею. Мне лучше этот товар твоей сестре в палатку сдать. Мне и триста процентов хватит, — загорелись глаза у женщины.

— Хочешь, я ей записку напишу. Найдешь двадцать восьмую палатку, дашь ей записку. Она тебе деньги тут же отсчитает. У нее торговля хорошо идет. Наличка всегда водится.

Не успела Валентиновна договорить, как к палатке подошли две ее напарницы с объемными сумками в руках.

— Вот эти юбки! — закричала одна. — Мы на них в прошлый раз триста процентов без труда взяли!

— Женщины, а вы куда товар возите?

— В Кемерово! — ответили они в один голос.

— В Кемерово?! Землячки, значит! — обрадовалась женщина.

— И вы оттуда?

— Да, я в больнице работаю медсестрой.

— Точно, а мы глядим — лицо знакомое!

— Бери быстрее, а то сейчас весь товар скупят, — быстро шепнула Валентиновна.

Женщина моментально достала спрятанные доллары и протянула их мне. Я под завязку загрузил

зила ей юбок, а Валентиновна написала записку. Через несколько минут она, простившись с нами, ушла.

— Привет землякам-сибирякам! — крикнула Валентиновна ей вслед и, откровенно зевнув, спросила: — Ну что, Лора, сколько там у нас еще товара?

— Есть еще...

— Скоро распродадим. Видишь, как быстро мы с тобой клиента отоварили!

— У тебя талант.

— Что поделаешь, жизнь заставляет. На пенсию нынче не погуляешь. Пошла следующего лоха искать. К обеду нужно распродаться. В два часа по телевизору передача хорошая — «Играй, гармонь». Посмотреть хочется.

Еще через несколько минут Валентиновна привела нового лоха, радостно сообщив нам, что встретила земляка с далекой Находки. С ее помощью плохо скроенные юбки разлетелись буквально за час. Так же быстро разошелся и Маринкин товар, правда, случился один неприятный инцидент. К Валентиновне подошла какая-то женщина и сказала, что она возила купленные по ее наводке вещи в Тамбов, но нужной палатки там не нашла. Но к таким случаям Валентиновна всегда готова. Она заявила, что видит эту женщину в первый раз, что она коренная москвичка-пенсионерка, естественно, в Тамбове никогда не

была и к торговле, естественно, не имеет никакого отношения. Женщина попыталась вызвать милицию, но по закону Валентиновну уличить не в чем. Она и в самом деле проживает в Москве и бизнесом, по крайней мере зарегистрированным, не занимается.

Мы скинулись с Маринкой по триста рублей и протянули их Валентиновне.

— Девочки, добавьте еще по сотке моим напарницам, — улыbnулась она, показывая на стоящих рядом женщин.

— Ладно, Валентиновна, мы тебе больше дадим. Считай, что премиальные получила, — сказала я, доставая двести рублей. Маринка сделала то же самое.

— Вот это другой разговор, — обрадовалась та. — Подругам по двести, а мне шестьсот. Нормальный приработок к пенсии. Сейчас в магазин сбегая — и к телевизору. Если так каждый день зарабатывать буду, глядишь, миллионершей стану. Главное, чтобы у вас товар был, а уж я-то покупашку всегда приведу. Лохи вон как землякам радуются.

Мы еще раз поблагодарили Валентиновну и с облегчением посмотрели на пустые сумки.

— Я же говорила, что сегодня день в масть окажется, — улыbnулась Маринка. — И где ты только эту Валентиновну откопала?

— Таких, как Валентиновна, тут полбазара ходит.

Пересчитав вырученные деньги, я протянула несколько купюр Маринке и произнесла:

— Ты все равно рядом с кассами живешь, возьми на меня билет в Польшу. Вместе поедем.

Маринка, кивнув, сунула купюры в карман.

— Денька три отдохнем и поедем. В нашей работе отдых тоже необходим.

— Вечером созвонимся.

Попрощавшись с Маринкой, я направилась в небольшое базарное кафе, чтобы немного перекусить. Есть захотелось зверски. Заказав картофельное пюре с котлетой, я тут же набросилась на еду. Через несколько минут дверь в кафе распахнулась, и на пороге появился необъятных размеров мордорот с неприятной физиономией. Окинув взглядом полупустой зал, он смачно сплюнул на пол и бесцеремонно уселся рядом со мной. Собираясь встать, я быстро отодвинула тарелку.

— Что, невкусно? — лениво поинтересовался мордорот.

— Вкусно.

— А что тарелку отодвинула?

— Аппетит испортился. Слушай, ты бы не сделал мне одолжение? Пересядь, пожалуйста, за другой столик, ведь в кафе почти никого нет.

— Щас ты у меня пересядешь, — процедил он сквозь зубы, наливаясь краской.

Мы не гордые. Можем и пересесть, — пожалала плечами я, взяла тарелку и пересела за другой столик. Мордovorot, нехорошо усмехнувшись, опять сплюнул на пол. И что этот придурок ко мне привязался? Надо было с Маринкой ехать, а то ведь так запросто можно влипнуть в какую-нибудь историю!

— Шел бы ты отсюда, а, — начала было я, но тут же осеклась. Мордovorot взял стоявший на столике стакан компота и вылил его на мои брюки. Я с ужасом посмотрела на мокрое пятно и закричала что есть сил:

— Ты, гад ползучий, ты что себе позволяешь?! Неделок проклятый! Как я в таком виде домой поеду?

— Пойдешь и купишь себе новые штаны, — спокойно ответил он, воткнув вилку в картофельное пюре. — Денег-то сегодня немерено сделала.

— Ты что, ко мне в кошелек заглядывал?

— И так знаю. Ты свои шмотки распродала, а делиться ни с кем не захотела.

— А с кем я должна делиться?

— Хотя бы со мной.

— С какой это стати?

— Не базарь, девочка! Хорошо заработала, так удели нуждающимся.

— Да пошел ты к черту! Я сейчас пойду к охране и попрошу, чтобы тебя вышвырнули с этого рынка как можно скорее.

— Попробуй. Только это будут последние слова в твоей жизни. В следующий раз на кладбище будешь торговаться, барыга хренова!

Я почувствовала, как на спине проступил холодный пот, но все же продолжала упираться.

— За аренду я заплатила, какие проблемы?

— А помимо аренды?

— А помимо аренды я Рашиду плачу.

— Сколько?

— Тебе-то какое дело? Если так интересно, у Рашида и спрашивай, а ко мне не приставай.

— Рашиду ты за крышу платишь, а мне должна за беспредел заплатить.

— Какой еще беспредел?

— Тот самый, который ты на рынке устроила.

— Я?!

— Ты. Может, тебе рассказать, как ты свой товар распродала?

— Расскажи.

— Нашла трех бабулек, чтобы они тебе лохов подыскивали. Сколько вы за сегодня приезжих развели, чтобы баулы опустошить?

— Ну что ты пристал? Сейчас каждая вторая палатка по такой схеме торгует. Это не запрещено.

— Каждая вторая палатка мне за это платит. Давай три тысячи, и мы в расчете.

— Сколько? — не поверила я своим ушам.

— Три тысячи, рыбка. Думаю, для тебя эта сумма не составит никакого труда. Поедешь за бугор, затаришься и накинешь побольше на следующую товар. Какие проблемы?

— Ненавижу, когда мои деньги считают, — выпалила я. — Если вам всем давать, то можно остаться не только с мокрыми штанами, но и без штанов. Ни хрена ты от меня не получишь!

Выйдя из кафе, я направилась к своей разбитой «шестерке», стараясь не оборачиваться назад. Как назло, машина не хотела заводиться. Пару раз чихнув, мотор наконец заработал. Неожиданно дорогу мне перегородила выдавшая виды иномарка, доверху набитая амбалами. Среди них был и тот мордovorot, который пытался стрясти с меня незапланированный «оброк». Рывком открыв дверь моего «жигуленка», он, не церемонясь, выдернул меня из машины и затащил в свою. Один поднес к моему горлу нож и похлопал по плечу.

— Ну что, сука, не захотела отдать три тысячи, придется отдать все. — Один из этих амбалов открыл мою сумочку и высыпал честно заработанные мною денежки к себе на колени.

— Пацаны, да тут нормальные бабки. Эта стерва сегодня нормально поторговала, — сказал он.

Юлия ШИЛОВА

— Отдай, гад, — заплакала я. — Рашид узнает, будешь потом себе локти кусать.

— Пикнешь, зараза, убью, —дохнул на меня перегаром другой браток, доставая нож.

— Отпустите, ребята, — с трудом выдавила я. — Вам же хуже будет. Нечего на чужую территорию залезать.

— Заткнись, сука, а то прирежем, — гнул он свое.

— Вадик, да хватит с ней возиться, мочи, и все, — прогундосил до глаз заплывший жиром амбал в шелковой рубашке.

— Успеется. Кругом народ. День все-таки.

Я сидела, как парализованная, и не могла поверить в реальность происходящего. Внезапно на шею мне накинули шнурок. А затем словно что-то тяжелое упало на мою бедную голову... В глазах потемнело... А может, они и вправду решили вырубить меня кирпичом? Только зачем? Ведь деньги уже у них... В ушах нарастал какой-то странный гул, пытаюсь разобраться, откуда он взялся, я провалилась в бездну...

ГЛАВА 2

Очнулась я оттого, что по спине, голове и ногам больно стучали комья глины. Где-то там, вдалеке, раздавались приглушенные голоса:

— Давай, Вадюха, засыпай ее быстрее. В любую минуту сюда кто-нибудь может прийти. Хватит ногами землю месить. Возьми лопату.

— Сань, глянть, а она шевелится. Живучая, падла!

— Так засыпай скорее, чтобы перестала шевелиться...

Неожиданно до меня дошло: меня хоронят заживо. Я попыталась подняться, но не смогла. На мою голову опять что-то обрушилось. Перед глазами замельтешили бесформенные рыжие пятна, и я потеряла сознание.

Очнувшись во второй раз, я поняла, что начинаю задыхаться. Нет, только не это! Надо выбираться отсюда, но как? Сверху и с боков намертво зажала земля. Голова уперлась во что-то твердое. Ну вот, сейчас воздух закончится, и я отправлюсь на тот свет... Неожиданно мне удалось нащупать

какую-то доску. Я с трудом потянула ее на себя. Как ни странно, доска поддалась, осыпав меня градом земли. Дышать стало немного легче. А затем сознание вновь ушло.

В третий раз очнулась я оттого, что кто-то из всех сил хлестал меня по щекам. Открыв глаза, с трудом разглядела склонившегося надо мной незнакомого парня.

— Ну что, покойница, очухалась? — испуганным голосом спросил он.

Я хотела было открыть рот, но мышцы перестали меня слушаться. Скулы затекли и онемели, из горла вырвался слабый стон.

— Ты что, говорить не можешь?

Я с трудом покачала головой, затем напряглась и чуть слышно произнесла:

— Я живая?

— Вроде да, — улыбнулся незнакомец. — Правда, в настоящий момент ты больше похожа на труп. У тебя губы аж черные. Ты подняться-то сможешь?

— Попробую.

Парень взял меня за руки и слегка потянул. Я села и быстро огляделась по сторонам, на минуту задержав взгляд на могиле, из которой только что удалось выбраться.

— И кто тебя туда запрятал?

— Не знаю, — пожала я плечами, безуспешно стараясь вспомнить, что со мной произошло.

— Тебе повезло, что я оказался на этом кладбище, — улыбнулся незнакомец.

— А как ты здесь оказался?

— Дед у меня умер... На завтра похороны назначены. Утром упросил приятелей могилку ему выкопать. Мы быстро управились, часа за три. Земля тут хорошая, без камней. Напилили досок на настил, покидали на дно и уехали. А дома смотрю, часов нет, я их, оказывается, на кладбище оставил. Вспомнил, что на оградку соседнюю вешал, когда могилку копал. Часы классные, именнные. Дед подарил... Решил вернуться. Сел в машину и поехал обратно. Хорошо, что еще не успел старика помянуть, а то бы за руль в жизни не сел... Я, конечно, не трус и в загробную жизнь не верю, но когда подошел к могиле, чуть было разрыв сердца не схлопотал. Одна из досок, которую мы торчком поставили, шевелилась. Я чуть сам в эту могилу не свалился. Ноги словно ватные стали, в ушах колокол загудел... Ну, постарался унять мандраж, подошел поближе к могиле, хотя внутренний голос подсказывал бежать с этого кладбища как можно дальше. Смотрю, могила почти наполовину засыпана. Сверху две лопаты лежат. Я их специально в траве припрятал до завтра. А доска по-прежнему шевелится, хотя

ветра нет. В общем, я долго размышлять не стал, схватил лопату, прыгнул в могилу и начал копать. Ну, думаю, если там человек лежит, а не дьявол, то как бы не задеть его ненароком. Чем он доску-то шевелит, рукой, поди? Чудом сообразил, что надо начинать копать с ног, а то бы еще засыпал дырочку, через которую ты дышала. Так потихоньку тебя и откопал.

— С ума сойти, — еле слышно произнесла я, с ужасом разглядывая свои отекавшие ноги. — Меня похоронили заживо! Мне такое не могло при-сниться даже в самом страшном сне.

— Ну что, покойница, так и будешь сидеть? Попробуй встать.

Я сморщилась, схватилась за плечо своего спасителя и с великим трудом встала. Перед глазами все поплыло, тело казалось невесомым...

Закрыв глаза, я почувствовала, что вновь теряю сознание.

— Эй, покойница, тебе плохо? Ну говори, что ты молчишь? Ты что, и в самом деле на тот свет собралась? — как сквозь вату донеслось до меня. «Покойница, покойница», — застучало в висках... Я хотела что-то ответить, но поняла, что не могу говорить.

Не знаю, сколько времени я пробыла без сознания. Кажется, долго. Во всяком случае, теперь я лежала не на земле, а на старенькой деревянной

кровати. Увидев своего спасителя, я облегченно вздохнула. Он сидел рядом и нервно курил.

— Ну что, очухалась? — усмехнувшись, спросил незнакомец.

— Вроде бы да, — нерешительно кивнула я.

— Ну ты даешь! Послушай, хорош уже так пугать! Я ведь хотел было тебя в морг отвезти. Ни имени твоего не знаю, ни адреса. Подумал грешным делом, что ты и вправду отключилась.

— Меня Лорой зовут, — перебила я его.

— Лариской, что ли?

— Да.

— А я Толик. — Парень дружелюбно протянул мне руку.

Я пожала ее и с любопытством оглядела более чем скромное убранство комнаты.

— Это дом моего деда. Он вчера умер. Прямо на этой кровати. На которой ты лежишь.

Я моментально подскочила и села на стул.

— Ты что?

— Предупреждать надо! В этом доме больше кроватей, что ли, нет! Обязательно надо было положить меня туда, где спал покойник?

— А что тут такого?

— Ничего! На этой кровати твой дед умер, а ты меня сюда положил.

— Совсем недавно ты лежала в его могиле и не возмущалась...

— Ты прав, — буркнула я и посмотрела в окно. — Ой, кажется, уже ночь?

— Да, первый час. Так что придется тебе переночевать на кровати покойного деда.

— А ты?

— Я тоже останусь. Там, на веранде, диван есть. Мне тут выпить пришлось, поэтому за руль сесть не могу. Налил себе полный стакан водки и жахнул его, не закусывая. Все решал, что мне с тобой делать. То ли в морг отвезти, то ли в больницу. Только я не дурак, при понятиях, выпить — выпил, но сообразил, что уж если тебя живьем закопать решили, то, выходит, ты кому-то сильно насолила и в больницу тебе нельзя. Туда менты по наводке врачей сразу заявятся и начнут спрашивать, что с тобой приключилось, а тебе, как я понимаю, нужно держать язык за зубами.

— Я бы тоже от водки не отказалась. Все-таки второй раз заново родилась.

— Давай отметим такое событие, — засмеялся Толик и махнул головой в сторону двери.

За дверью оказалась небольшая, уютная веранда, заставленная цветочными горшками. Толик достал полбутылки водки и домашние консервы.

— Извини, дом не мой. Тут шаром покати. Чем богаты, тем и рады.

— Я есть не хочу, — сглотнув слюну, произнесла я. — Налей мне лучше водки.

— Ты что, даже не закусываешь?

— Я вообще не пью водку, но сегодня исключение из правил. Меня все-таки не каждый день живьем хоронят.

— Закусывать в любом случае надо.

Толик разлил водку по рюмкам и протянул одну из них мне. Сделав большой глоток, я смахнула невольными выступившими слезами и положила в рот соленый помидор.

— Ты что, реветь собралась?

— Да нет. Это так. Просто в голове как-то не укладывается: еще несколько часов назад я была трупом, а теперь сижу на веранде и пью водку.

— За что тебя хоть закопали? Наверное, натворила что-то серьезное?

— Я и сама не могу понять. На рынке не первый год торгую, а такое со мной в первый раз случилось.

— Это как же надо торговать, чтобы тебя живьем закопали? Ты чем торговала? Оружием, что ли? А может, наркотиками?

— Ты что, с ума сошел?

— По моим представлениям, за оружие или за наркотики похоронить запросто могут. А за тряпки-то чего?

— В том-то и дело, что за тряпки! — в сердцах прокричала я. — За обычные, дешевые юбки.

— Чертовщина какая-то, — пожал плечами Толик. — Ничего не пойму. Ты, может, за место платить не хотела?

— Как же, не хотела! У меня за место на полгода вперед заплачено. За крышу я Рашиду исправно отстегиваю. У меня вообще с торговлей никогда проблем не было. Я уже давно в челночном бизнесе кручусь. Просто в тот день я товар моментально распродала. У меня сумма немаленькая собралась. Зашла в кафе, перекусить хотела. Тут откуда ни возьмись появился какой-то придурок и стал требовать с меня деньги.

— А что он говорил?

— Говорил, что я на рынке беспредел устроила.

— Какой еще беспредел?

— Да и не беспредел вовсе! Просто одна моя давняя приятельница решила мне помочь. Это же элементарно! Так все делают! Ходила она по рынку, искала приезжих лохов и тулила им мои юбки, как будто они самый ходовой товар на свете. Тут же нет ничего особенного. Почему я должна платить за свою смекалку и изобретательность?! Каждый торгует как может. Ведь лохотронщикам, к примеру, никто не мешает. А они работают по похожей схеме. У них и зазывалы есть, и «счастливые обладатели крупных выигры-

шей», и «случайные» свидетели... Только их никто не гоняет. А они ведь людей дурят по-черному. Сам знаешь, сколько их развелось. На каждом базаре, на каждой станции метро играют. Я, может, кого и дурю, но людей, в отличие от них, без штанов никогда не оставляю. Где же справедливость, спрашивается?!

— Лохотронщикам тоже достается будь здоров. Их менты в любой момент могут привлечь к ответственности за мошенничество, а то, чем ты занимаешься, ни к какой статье не подходит. Это какой-то новый вид мошенничества.

— Да этим каждый второй на рынке занимается, иначе можно свой товар по полгода продавать! А лохотронщиков к ответственности никто не привлекает. То, что нам по телевизору показывают, — туфта. Забирают или зеленых, или тех, кто залез на чужую территорию, или тех, кто отказывается мзду платить. Сам подумай, кто их будет забирать, если они ментам за место отстегивают? К тому же я не лохотронщица, а торгашка. Мне люди деньги дают, а я им — товар. А уж как я свой товар продаю, никого не касается. Как умею, так и продаю. Только вот за это живьем в могилу никого не закапывают.

— А ты знаешь тех, кто тебя закопал?

— Нет.

— Может, они не с рынка, а залетные какие?